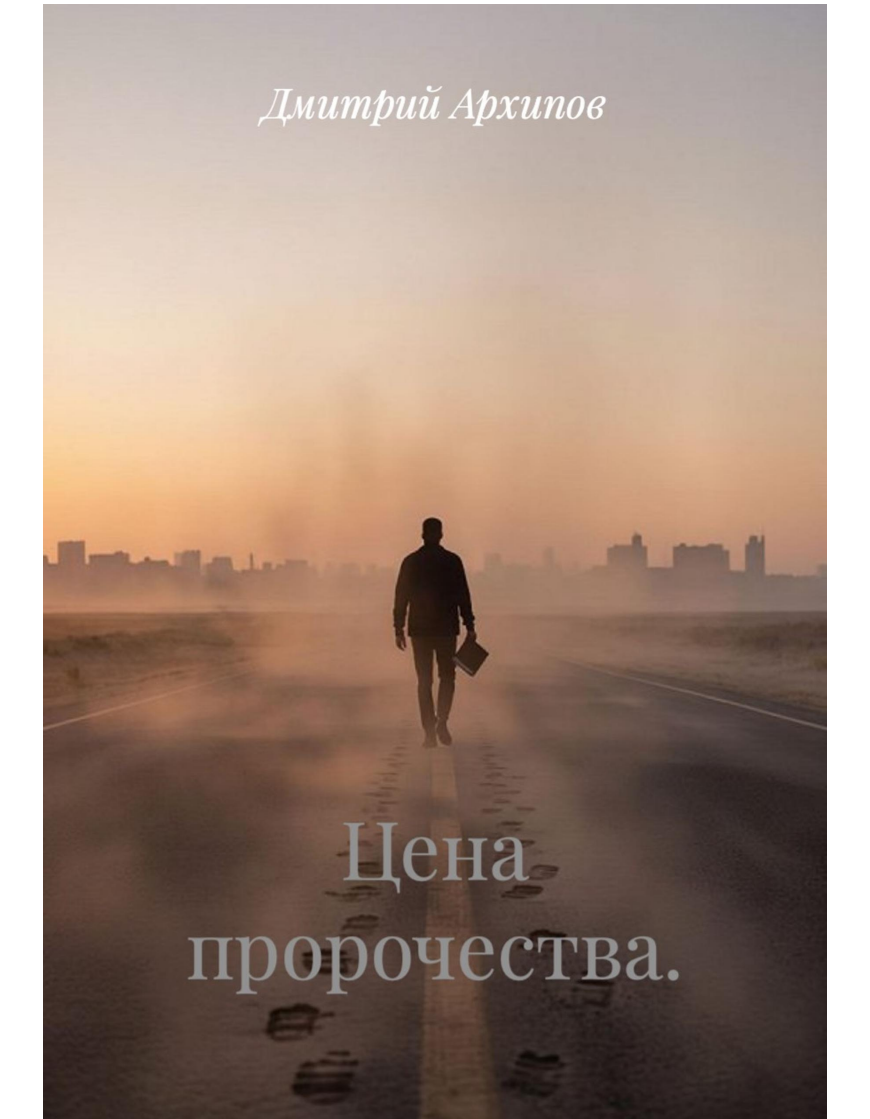

A full-page background image showing a person walking away from the viewer down a long, straight road. The person is silhouetted against a bright, hazy sunset or sunrise sky. In the distance, a city skyline is visible on the horizon. The road has a yellow center line, and there are some dark, indistinct shapes on the road surface in the foreground.

Дмитрий Архипов

Цена
пророчества.

Дмитрий Архипов

Цена пророчества.

<https://litres.ru/74484259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — про вас. Про всех нас. Про то, что мы называем «жизнь» и что на самом деле — длинный, пыльный, иногда смешной, иногда страшный Тракт. По которому мы идём. Или ползём. Или стоим, делая вид, что идём.

Я писал её для человека, которому осталось недолго. Не потому, что он особенный. А потому, что он — как все мы. Просто он знает то, что мы прячем. Что конец есть. Что он близко. Что он — не за горами, а за углом. И что единственное, что имеет смысл, — это то, как ты идёшь. А не куда.

Я писал её для человека, который развёлся. Для того, кто лежит на диване в пустой квартире и смотрит в потолок. Для того, кто не может понять: это конец или начало. Я скажу: и то, и другое. Как всегда. Как во всём. Конец одного — всегда начало другого. Просто мы не сразу это видим. Иногда — через годы. Иногда — никогда. Но это не значит, что этого нет.

Я писал её для человека, который устал. Который не хочет больше воевать. Ни с кем. Ни с собой. Который хочет просто сесть у реки и смотреть.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Архипов

Цена пророчества.

Глава

Дмитрий Архипов

Цена пророчества

Новосибирск 2026

ПОЧЕМУ ЭТА КНИГА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ ЕЁ ЗАКРОЕТЕ.

(Просьба дочитать вводное до конца).

Дорогой читатель.

Если вы держите эту книгу в руках — значит, вы ещё живы. Поздравляю. Это уже немало. Серьёзно. Я не шучу. В мире, где каждый день кто-то решает, что больше не может, — то, что вы открыли первую страницу, а не что-то другое, — это маленький подвиг. Незаметный. Но подвиг.

Я не знаю, кто вы. Может, вы молодой человек, который

только что понял, что мечты не сбываются, и теперь не знает, куда девать руки. Может, вы женщина, которая вырастила детей и вдруг обнаружила, что больше никому не нужна. Может, вы старик, который пережил всех своих друзей и теперь разговаривает с чайником. Может, вы ребёнок, который ещё не знает, что мир жесток (справедлив), но уже чувствует, что что-то не так.

А может, вы тот, кому осталось недолго. Тот, кто знает диагноз. Тот, кто считает не годы, а месяцы. Тот, кто уже попрощался с кем-то, но ещё не со всеми. Тот, кто боится не смерти, а того, что после него ничего не останется.

Я не буду делать вид, что знаю, каково вам. Я не буду говорить «всё будет хорошо». Это ложь. Иногда не будет. Иногда будет плохо. Иногда — очень плохо. Иногда — так, что хочется лечь и не вставать.

Но я скажу другое. Я скажу: пока вы читаете — вы идёте.

А это, поверьте, уже что-то. Потому что идти — это единственное, что мы можем. Даже когда некуда. Даже когда незачем. Даже когда никто не ждёт. Идти — это не про цель. Это про движение. Про то, что вы ещё здесь. Про то, что вы ещё выбираете. Про то, что вы ещё не сдались.

Эта книга — не про рыцаря. Хотя рыцарь в ней есть. Она не про Печать. Хотя Печать в ней трещит. Она не про Хаос. Хотя Хаос в ней ходит рядом, дышит в затылок и иногда просит закурить.

Эта книга — про вас. Про всех нас. Про то, что мы называем «жизнь» и что на самом деле — длинный, пыльный, иногда смешной, иногда страшный Тракт. По которому мы идём. Или ползём. Или стоим, делая вид, что идём.

Я писал её для человека, которому осталось недолго. Не потому, что он особенный. А потому, что он — как все мы. Просто он знает то, что мы прячем. Что конец есть. Что он близко. Что он — не за горами, а за углом. И что единственное, что имеет смысл, — это то, как ты идёшь. А не куда.

Я писал её для человека, который развёлся. Для того, кто лежит на диване в пустой квартире и смотрит в потолок. Для того, кто не может понять: это конец или начало. Я скажу: и то, и другое. Как всегда. Как во всём. Конец одного — всегда начало другого. Просто мы не сразу это видим. Иногда — через годы. Иногда — никогда. Но это не значит, что этого нет.

Я писал её для человека, который устал. Который не хочет больше воевать. Ни с кем. Ни с собой. Который хочет просто

сесть у реки и смотреть, как течёт вода. И знаете что? Это тоже путь. Не хуже других. Просто тише. И честнее.

Теперь — несколько историй. Из жизни. Из истории. Чтобы вы не думали, что я выдумал всё это в тиши кабинета.

История первая. Про Александра.

Он был моим соседом. Хороший человек. Работал всю жизнь на заводе. Женился. Развёлся. Женился снова. Опять развёлся. Дети выросли и уехали. Он остался один в квартире с кошкой, которая его не любила. Однажды я спросил: «Как дела?» Он ответил: «Как в анекдоте. Плохо, но смешно».

Через год его не стало. Сердце. Я пришёл на похороны. Было мало людей. Но один человек — старик с тростью — сказал речь. Он сказал: «Сашка был не герой. Но он всегда шёл. Даже когда не мог. Даже когда не хотел. Он шёл. И это — самое трудное. И самое важное».

Я запомнил это. И написал эту книгу. Для Сашки. И для всех, кто идёт, даже когда не может.

История вторая. Про Сенеку.

Римский философ. Стоик. Наставник Нерона. Один из самых богатых людей своего времени. А потом — заговор. Приговор. Приказ вскрыть вены.

Он не убежал. Не стал просить пощады. Не проклял императора. Он собрал друзей. И до самой смерти — а умирал он долго, мучительно — говорил с ними. О том, что жизнь — это не то, что с тобой случается. А то, что ты делаешь с тем, что случается.

Он сказал: «Не смерть страшна. Страшно так и не начать жить».

Он умер. Но его слова остались. И через две тысячи лет я их повторяю. И вы их читаете. Значит, он не зря шёл. Значит, его Тракт не кончился.

История третья. Про безымянного.

Не знаю, как его звали. Знаю только, что он был солдатом. Первая мировая. Окопы. Грязь. Смерть. Он писал письма домой. Каждый день. Даже когда не было о чём писать. Даже когда не было сил.

В одном из последних писем он написал: «Мама, я не знаю, вернусь ли. Но я хочу, чтобы ты знала: я не жалею.

Я шёл, потому что не мог иначе. И если я не вернусь — не плачь. Я просто ушёл вперёд. Как всегда. Ты иди за мной. Но не сразу. Потом».

Он не вернулся. Письмо сохранилось. Оно лежит в музее. И когда я его увидел — я понял, что должен написать эту книгу. Про то, что уходить — не страшно. Страшно — не оставить слов.

А теперь — про книгу.

В ней нет морали. Нет поучений. Нет ответов. В ней есть вопросы. И есть дорога. И есть человек, который идёт. Иногда он смешон. Иногда — глуп. Иногда — жалок. Но он идёт. И это — главное.

Я не обещаю, что после прочтения вы станете счастливы. Счастье — это не то, что можно получить из книги. Счастье — это то, что вы делаете сами. Из того, что есть. Из того, что осталось. Из того, что ещё будет.

Я не обещаю, что вы найдёте истину. Истина — она как лопата. У каждого своя. И каждый копает в свою сторону. И у каждого — свой клад. Или своя могила. Или и то, и другое.

Я обещаю только одно: пока вы читаете — вы не одни.

С вами — сэр Эдрик. С лопатой. С куклой. С песочной лодкой. С философом. С дедом, который ждал. С Каем, который строил лодку из песка. С матерью, которая простила. С Прачкой, которая стирала чужие грехи. Со всеми, кто шёл до вас. И со всеми, кто пойдёт после.

Эта книга — не конец. Это — начало. Первый том. И я не знаю, успею ли написать их все. Честно. Не знаю. Может, успею. Может, нет. Но это неважно. Важно, что вы начали. Важно, что вы читаете. Важно, что вы идёте.

А если вы закроете книгу и не вернётесь — что ж. Бывает. Я не обижусь. Я сам такой. Я тоже иногда закрываю книги. И не возвращаюсь. И это нормально. Потому что иногда, чтобы идти, надо закрыть. А иногда — открыть. Всё зависит от момента.

Но если вы вернётесь — я буду здесь. На этой странице. С этой лопатой. С этим философом. С этим Трактом. И мы пойдём дальше. Вместе. Как шли.

Потому что история никогда не заканчивается. Она просто переходит в следующий том.

И мы только начали.

— --

С уважением.

Автор.

P.S. Если вам стало хуже после этого вступления — значит, вы ещё живы. Если стало лучше — значит, вы уже идёте. Если не изменилось ничего — значит, вы просто читаете. И это тоже хорошо. Потому что читать — это тоже идти. Просто медленнее. Но кто сказал, что надо быстро?

P.P.S. Если вы дочитали до этого места — значит, вы точно живы. Поздравляю. Теперь можно и книгу открыть.

Глава I. В которой Рыцарь предпочитает библиотеку всему остальному.

*Когда печать трещит, а тьма близка,
Не рвись, герой, в сраженья и века.
Сиди в пыли, листай за томом том —
Авось врага убьёт сырым плащом.*

Свечи оплывали с такой скоростью, будто сами торопились убраться из этого мира. Замок Грейвенхолд стоял на

скале, как старая дева на балу у короля — мрачно, одиноко и с ощущением, что вот-вот кто-то скажет что-то неуместное про её возраст. Камень, из которого были сложены стены, помнил времена, когда демоны Хаоса приходили не по расписанию, а по настроению, и тогда людям было проще не ждать пророчеств, а просто умирать молодыми, с мечом в руке и с честным удивлением на лице.

Но то было давно. Теперь же наступила эпоха просвещённого отчаяния.

Рыцарь сидел в библиотеке, окружённый таким количеством манускриптов, что сам стал походить на фолиант — пыльный, местами подгнивший и раскрытый не на той странице. Звали его сэр Эдрик, но уже лет пять как всё чаще — «тот самый, который всё ещё ищет артефакт». Это прозвище дали ему не враги, а собственные оруженосцы, что, как известно, ранит куда больше.

Настроение у сэра Эдрика было скверное. Не то чтобы демоны Хаоса его не беспокоили — ещё как беспокоили, особенно по ночам, когда их вой доносился из-за северных болот и мешал спать. Но куда больше его угнетала мысль, что от него чего-то ждут. Ждут все: король, церковь, народ, даже лошадь, кажется, смотрела с укором. А он, сэр Эдрик, всего лишь хотел дослужить до пенсии, получить небольшой надел

с виноградником и умереть от подагры, а не от когтей твари с восемью глазами и скверным характером.

— Ну и где твои артефакты? — пробормотал он, перелистывая очередной трактат. Тот оказался посвящён кастрации демонов посредством лунного серебра. Полезно, но не то.

Замок гудел. Не мистически, а вполне физически — ветер был в бойницах, как пьяный менестрель, которого не пустили в таверну. Где-то наверху стучали ставни, внизу, на кухне, ругались повара: снова сбежал жареный поросёнок, потому что повар в панике решил, что в нём сидит бес, и проткнул его вертелом трижды. А в тронном зале местный барон, лорд Филипп, уже третий день совещался со святыми отцами. Точнее, они совещались, а он пил.

Сэр Эдрик захлопнул книгу. Пыль взметнулась, как душа грешника, и он чихнул.

— Всё, — сказал он пустоте. — Хватит.

Но пустота не ответила. Она вообще редко достаивала его диалогом.

Он встал. Высокий, худой, с лицом человека, который однажды попробовал эльфийское вино и до сих пор не уверен,

что выжил. Доспех висел на спинке кресла, как напоминание о былой славе. Меч стоял в углу, воткнутый в пол, и, честно говоря, уже пустил корни.

— Ты тоже не веришь, что я спасу мир? — спросил он у меча.

Меч молчал, но в его молчании слышалось: «Я видел, как ты резал сыр мной. Не начинай».

Эдрик подошёл к окну. Внизу, за стенами, кипела ночь. Не та, что приходит после дня, а та, что приходит после надежды. На горизонте, за лесом, небо рвалось багровыми всполохами. Печать истончилась. И каждый дурак в королевстве знал: как только последний луч света втянется в трещину, начнётся то, о чём даже в казармах шутить боялись. Шутили, но боялись.

А он, сэр Эдрик, всё ещё не знал, избран ли он.

Потому что пророчество, найденное им в древнем кодексе, гласило: «И встанет Рыцарь, что не желал вставать, и меч его будет острым от безвыходности, а не от славы. И пойдёт он не вперёд, а вглубь, и найдёт там не свет, но то, что было до света».

Это, конечно, вдохновляло. Особенно часть про «не желал вставать» — тут сэр Эдрик чувствовал себя пророком уже сейчас.

— --

Глава II. В которой пророчество неожиданно сбывается, но не так, как хотелось бы.

*Пророк твердил: «Грядёт великий муж!»
А муж грядёт, но только муж и туш.
И всяк, кто ждал спасения с небес,
Получит меч — и то, как дар с небес.*

Утром пришёл посыльный. Не демон, что уже само по себе радовало. Но лицо у него было такое, будто он по дороге встретил как минимум троих демонов, и двое из них оказались его родственниками.

— Сэр Эдрик, — выдохнул он, падая на одно колено прямо в лужу. — Лорд Филипп... он... он видел знамение!

— Знамение? — переспросил Эдрик, отрываясь от куска хлеба с сыром, который он резал тем самым мечом. — Опять? Вчера он видел знамение в осадке вина. Позавчера — в полёте мухи. А в прошлый четверг — в форме хлебной

корки. И что? Мы все ещё живы.

— Нет, — прошептал посыльный, и в глазах его стоял тот особый ужас, который не подделать и не выпить. — На этот раз всё серьёзно. Печать... она... она заговорила.

Сэр Эдрик медленно положил нож. Потом меч. Потом хлеб.

— Заговорила? — переспросил он. — На каком языке?

— На нашем. И она сказала... — посыльный сглотнул. — Она сказала: «Пора».

В замке началась паника. Не та, что обычно, с криками и беготнёй, а тихая, вязкая, как мёд, в котором тонет оса. Люди ходили по коридорам, прижимаясь к стенам, и смотрели друг на друга с подозрением: не ты ли тот самый, из-за кого «пора»? Церковники жгли благовония, но те воняли серой. Это не помогало.

Сэр Эдрик отправился в тронный зал. Лорд Филипп сидел на троне, вцепившись в подлокотники так, будто трон собирался улететь. Рядом стоял епископ Мартин, человек с лицом постным и глазами сытыми, и читал вслух пророчество. То самое, из кодекса. Про Рыцаря, который не хотел

вставать.

— И встанет он, — вещал епископ, — и пойдёт вглубь...

— Погодите, — перебил Эдрик. — Вглубь — это куда? В подвал?

— Вглубь времён, — поправил епископ, не моргнув. — Или вглубь себя. Или вглубь земли. Пророчества, сэр, они такие. Чем глубже, тем непонятнее.

— А если я не пойду?

— Пойдёте, — спокойно сказал епископ. — Потому что Печать уже назвала ваше имя.

Эдрик моргнул.

— Простите?

— Да, — епископ развернул свиток. — Вот, донесение из часовни. Трещина на Печати. Ночью она изменила форму. И теперь читается: «Эдрик».

Лорд Филипп всхлипнул.

— Я всегда знал, что ты особенный, — сказал он, глядя на Эдрика с надеждой пьяного человека, который верит, что утром найдёт свой кошель. — Ещё с той битвы при Красном Броде, когда ты случайно убил вражеского генерала, упав с лошади.

— Я не падал. Я спешивался.

— Ты сломал ему шею своей задницей, Эдрик. Вся армия аплодировала.

Эдрик промолчал. Спорить с пьяным лордом — всё равно что объяснять демону концепцию стыда.

— Ладно, — сказал он наконец. — Допустим, я избранный. Допустим, Печать назвала моё имя. Допустим, мне надо идти «вглубь». Но у меня нет артефакта. А без артефакта, как вы сами говорили, любой избранный — просто человек с мечом и плохим настроением.

— Артефакт есть, — тихо сказал епископ.

Эдрик замер.

— Что?

— Есть. Он ждал тебя. В катакомбах под замком. Хранится уже триста лет.

— И вы молчали?!

— А ты не спрашивал.

Эдрик почувствовал, как в висках начинает стучать нечто, похожее на гнев пополам с абсурдом. Триста лет. Триста лет они сидели на артефакте, как наседка на яйце, и ждали, пока Печать не треснет окончательно.

— И что это за артефакт? — спросил он, заранее боясь ответа.

Епископ улыбнулся. Это была улыбка человека, который знает, что его шутку поймут только через века.

— Лопата.

Глава III. В которой сэр Эдрик спускается в подвал и находит там больше вопросов, чем ответов.

*Не лезь в подвал, где спит чужая тайна,
Там пыль веков, и сырость, и печально.
Но если лезешь — помни: всякий клад*

Есть чей-то ужас, спрятанный назад.

Лопата действительно была. Старая, ржавая, с рукоятью, обмотанной выцветшей тканью. Она лежала на каменном постаменте в центре катакомб, и вокруг неё не было ничего — ни свечей, ни охранных рун, ни хотя бы таблички «Не трогать». Только тишина и запах вечности.

Эдрик долго смотрел на неё. Потом на епископа. Потом снова на лопату.

— И это всё? — спросил он.

— Это не просто лопата, — возразил епископ, но как-то неуверенно. — Это Лопата Пророчества.

— И что она делает? Копает?

— Она копает то, что не копается. Вскрывает то, что зарыто не в земле. Ею был вырыт первый колодец, из которого пил первый демон. Ею был засыпан последний ангел. Ею будут...

— Достаточно, — Эдрик поднял руку. — Я понял. Волшебная лопата. Глубокий символизм. Идём.

Он взял её. Ничего не произошло. Небо не разверзлось, земля не задрожала. Только где-то наверху, в тронном зале, лорд Филипп, по слухам, упал с трона, потому что ему почудилось, что трон заговорил. Но это было в порядке вещей.

— И куда мне с ней? — спросил Эдрик.

— К Трещине, — сказал епископ. — К той, что на северном болоте. Там, где Печать истончилась до предела. Ты должен засыпать её.

— Засыпать. Лопатой. Трещину в реальности.

— Именно.

Эдрик вздохнул. Это был вздох человека, который всю жизнь мечтал о пенсии, а получил лопату и направление на болото.

— А если не получится? — спросил он.

— Тогда придёт Тот, Кто Ждёт, — епископ перекрестился. — И всё, что мы знаем, станет тем, чего мы не знаем. В прямом смысле. Хаос перепишет историю. Не будет ни вчера, ни завтра. Только сегодня. И это «сегодня» будет длиться вечно.

Эдрик кивнул. Потом повернулся к посыльному, который всё ещё стоял на коленях в луже.

— Принеси мою шляпу, — сказал он. — И скажи конюху, чтобы седлал моего коня. Если он, конечно, ещё не сдох от страха.

— А если сдох? — спросил посыльный.

— Тогда седлай того, кто его сожрал.

Эпилог первой части (он же — завязка следующей главы).

*И всадник едет в ночь, где нет дорог,
Где каждый куст — намек, что ты не бог.
А лопата стучит, как сердце, о бок,
И кажется, что мир не так уж плох.*

Сэр Эдрик покидал замок на рассвете. Точнее, на том, что заменяло рассвет: небо было серым, как совесть ростовщика, и лишь на востоке теплилась полоска ржавого света. За спиной остался Грейвенхолд, и сэр Эдрик не обернулся. Не потому, что не хотел, а потому, что боялся увидеть, как замок машет ему платочком.

Дорога на северное болото была пуста. Крестьяне попрятались, купцы сожгли свои телеги, а одинокие паломники, говорят, научились бегать быстрее лошадей. Ветер пах тиной и чем-то сладковатым, как перезревший страх.

Лопата висела за спиной. Она была лёгкой, почти невесомой. Но Эдрику казалось, что она с каждым шагом становится тяжелее. Или это совесть? Или просто возраст?

— Ну что, старушка, — пробормотал он, обращаясь к лопате. — Как думаешь, мы справимся?

Лопата молчала. Но в её молчании слышалось: «Я помню, как копала могилу для мира. И я готова повторить».

Эдрику это не понравилось.

Но выбора не было. Потому что где-то впереди, за пеленой тумана, уже слышался низкий, утробный смех. И этот смех явно доносился не из-под земли.

А из-под завтрашнего дня.

— --

Продолжение следует. Сэр Эдрик ещё не знает, что на бо-

лоте ему встретится не демон, а скучающий философ, который объяснит, почему пророчества никогда не сбываются так, как хочется. И почему черный юмор — единственное, что остаётся, когда лопата уже в руках, а небо уже не то.

Глава IV. В которой сэр Эдрик встречает философа, и лучше бы этого не происходило.

*На болоте мудрец сидел в грязи,
Он не мог утонуть, как ни грози.
Он спросил: «Ты за смертью или за мной?»
Я ответил: «Я просто иду домой».*

Конь сдох на третьем дне пути. Не от усталости, не от страха, а от скуки. По крайней мере, так показалось сэру Эдрику: животное просто остановилось посреди тракта, вздохнуло, как старый бюрократ перед горой прошений, и легло на бок с выражением глубокого разочарования на морде.

— Встань, — сказал Эдрик.

Конь не шевельнулся. Только ухо дёрнулось, будто отмахиваясь от мухи.

— Ты же боевой конь, — напомнил рыцарь. — Три похода, битва при Красном Броде, ты пережил стрелу в крупе и

осаду, где жрал кору.

Конь закрыл глаза. Это был не сон. Это была принципиальная позиция.

Эдрик постоял немного, потом перекрестил коня, забрал седло (на всякий случай, чтобы не спёрли) и двинулся пешком. Лопата за спиной покачивалась, как маятник, отсчитывающий шаги до чего-то нехорошего.

Болото началось неожиданно. Не было ни предупредительной топи, ни камыша, ни лягушек, поющих о скорой гибели. Просто лес расступился, и земля стала мягкой, как совесть барона. Ноги чавкали. Туман был густым, как каша, сваренная в церковном котле, и пах он не тиной, а ладаном пополам с чем-то кислым. Эдрик слышал о таких местах. В хрониках они назывались по-разному, но суть одна: здесь реальность истончалась, и прошлое могло проступить, как пятно на скатерти.

Он шёл до сумерек. А потом увидел его.

Человек сидел на кочке, поджав ноги, и смотрел на Эдрика с интересом, который бывает у котов перед пустым местом. Одет он был в нечто среднее между рясой и лохмотьями, а на голове сидела шляпа, из которой торчало перо, явно

выдернутое из хвоста какой-то мифической птицы. Рядом лежал посох, но не боевой, а так, для вида.

— Привет, избранный, — сказал человек. Голос у него был мягкий, как гнилой мох.

Эдрик остановился.

— Я не избранный. Я просто мимо проходил.

— Все так говорят, — философ улыбнулся. — А потом оказывается, что у них лопата за спиной и имя, выцарапанное на трещине мироздания. Садись. Ты всё равно не туда идёшь.

— Откуда вы знаете, куда я иду?

— Ты идёшь к Трещине, — философ кивнул. — Все сюда идут к Трещине. Других развлечений нет. А ты — именно к Трещине, потому что у тебя лопата. Видишь, как всё просто? Я тут сижу триста лет и выучил: если человек с лопатой и выражением лица, будто его заставили жениться на утопленнице, — он идёт к Трещине.

Эдрик сел. Не потому, что устал, а потому, что спорить с людьми, которым триста лет, чревато. Сядешь — и то легче.

— Вы философ? — спросил он.

— В каком-то смысле, — ответил тот. — Я последний, кто помнит, зачем вообще поставили эту Печать. И я должен тебе кое-что сказать.

— Что-то ободряющее?

— Нет. Что-то, что тебе не понравится.

Эдрик вытащил лопату, воткнул её в землю рядом. Она вошла, как в масло.

— Валяйте.

Философ подался вперёд.

— Печать, которую ты идёшь засыпать, — не первая. И не последняя. Та, что трещит, — уже пятая. До неё были ещё четыре. И каждый раз приходил кто-то с артефактом. И каждый раз думал, что засыпает трещину. А на самом деле — копал глубже.

Эдрик моргнул.

— То есть я...

— Да. Ты — не первый. Ты — пятый. И судя по тому, что ты всё ещё веришь, что лопата поможет, — самый наивный.

— Но епископ сказал...

— Епископ? — философ усмехнулся. — Мартин? Этот человек в восьмой раз продал душу, и каждый раз брал сдачу мелочью. Он ничего не знает. Он читает пророчества по слогам и каждый раз путает «спасение» с «погребением». Ты хоть знаешь, что было до Печати?

Эдрик молчал.

— До Печати, — продолжал философ, — Хаос не был снаружи. Он был внутри. Везде. В камнях, в воде, в людях. Не как зло, а как возможность. Мир был... гибким. Текучим. Каждый мог стать кем угодно, каждое утро было началом, каждая ночь — концом. И это было не страшно. Это было естественно.

— А потом?

— Потом пришли те, кто испугался. Твои предки, кстати. Они решили, что без формы, без порядка, без прошлого

и будущего жить нельзя. И построили Печать. Заперли Хаос снаружи. Нарисовали черту между «вчера» и «завтра». И стало удобно. Как в тюрьме.

Эдрик посмотрел на свои руки. Они были в грязи, и почему-то ему показалось, что грязь эта — старая, как сам мир.

— И что теперь?

— А теперь Хаос хочет вернуться, — философ пожал плечами. — Не потому, что злой. А потому, что его заперли. Любое живое существо, запертое на три тысячи лет, начинает ломиться в дверь. Даже если до этого оно просто тихо лежало и дышало.

Эдрик встал.

— И что мне делать? Засыпать или... не засыпать?

Философ посмотрел на него долго. Потом на лопату. Потом снова на Эдрика.

— Это уже не важно, — сказал он. — Потому что пока ты шёл сюда, Трещина перестала ждать.

И болото впервые за вечер вздохнуло. Земля под ногами

вздрогнула, и где-то далеко, у горизонта, небо лопнуло, как перезревший плод.

— --

Глава V. В которой сэр Эдрик понимает, что опоздал, но это не точно.

*Когда небо рвётся, как старый холст,
То неважно, был ты герой или прост.
Важно, что в этот момент, как ни рвись,
Ты поймёшь: у истории тоже есть кисть.*

Небо не просто лопнуло. Оно разошлось, как занавес в балагане, и оттуда, из-за этой рваной кромки, начал сочиться свет. Не яркий, не божественный, а какой-то... переливистый. словно кто-то разлил по небу масло, и оно играло всеми цветами, которых не должно быть в природе.

Эдрик стоял, сжимая лопату, как крестьянин, опоздавший на войну. Философ рядом медленно поднялся, и впервые за весь разговор на его лице появилось нечто, похожее на тревогу.

— Ну вот, — сказал он. — А говорили, будет время. Вечно им не хватает.

— Кому — им? — спросил Эдрик, не отрывая глаз от неба.

— Тем, кто должен был успеть с пророчеством, — философ поправил шляпу. — Понимаешь, любое пророчество — это не предсказание. Это расписание. Если поезд ушёл, то ты не избранный, а опоздавший. И вот ты опоздал.

— Я шёл пешком! — возмутился Эдрик. — Конь сдох!

— А я говорил — летать надо было. Или хотя бы бежать. Но нет, ты же рыцарь, у тебя достоинство.

Тем временем из разрыва начало что-то выходить. Не демоны в привычном понимании — с рогами, копытами и скверным лексиконом. Нет, это были... фигуры. Сотканные из света и шума, они текли, как ртуть, и не имели чётких очертаний. Одни напоминали людей, но с лицами, которые не заканчивались. Другие — зверей, но с суставами в неправильных местах. Третьи — просто идеи, облечённые в форму, от которой у глаз начиналась мигрень.

— Это Хаос? — спросил Эдрик.

— Это его авангард, — философ поднял посох. — Те, кто

уже проснулся. Дальше будет хуже. Дальше придут те, кто не проснётся никогда, потому что они не спят.

— Вы можете что-нибудь сделать?

— Я могу философски осмыслить происходящее. — Философ взмахнул посохом. Из него вылетело несколько огоньков, покружились и упали в грязь, как дохлые светлячки. — Видишь? Осмысление не помогло.

Эдрик сжал лопату.

— Тогда я пойду и засыплю. Или вскопаю. Или... что-нибудь.

— Стой, — вдруг резко сказал философ. — Подожди. Посмотри на неё.

Он указал на лопату. Эдрик опустил взгляд. Лопата светилась. Не так, как светилось небо, а ровным, спокойным, почти тёплым светом. Словно угли под слоем пепла.

— Она чувствует, — прошептал философ. — Она узнала то, что выходит. Это не просто лопата. Это... ну, как бы тебе объяснить...

— Попробуй.

— Это лопата, которой вырыли первую могилу на этой земле. Могилу, в которую закопали не тело, а мысль. Мысль о том, что миру нужен порядок. И теперь она помнит. И тот, кто её держит, тоже начинает помнить.

Эдрик почувствовал, как в голове что-то разворачивается. Не как воспоминание, а как чьё-то чужое знание. Он вдруг понял, что был здесь раньше. Не в этой жизни. В той, где у него не было имени, а было только чувство: надо копать. Потому что если не закопать мысль, она прорастёт. И если не выкопать её обратно — тоже.

— Я не опоздал, — медленно сказал Эдрик. — Я пришёл точно вовремя. Просто время пришло за мной.

Философ поднял бровь.

— Это ты сам придумал или лопата подсказала?

— Неважно, — Эдрик шагнул вперёд. Болото под ним стало твёрдым. Не как камень, а как воля. — Ты говорил, что Хаос не злой. Докажи. Пойдём со мной.

Философ вздохнул.

— Триста лет сию. Дождался. Пойдём.

И они двинулись к разрыву, навстречу существам, которые уже начали спускаться. Некоторые из них пели. Пение было прекрасным и неправильным, как нота, которой нет в гамме, но которую все ждали.

— --

Глава VI. В которой происходит то, что в хрониках назовут «Странный разговор у рваного неба».

*Когда герой с лопатой и мудрец с посохом
Идут навстречу хаосу — это не то, что плохо.
Это то, что после назовут «сюжет»,
А пока — лишь двое, и вечер, и свет.*

Они вышли на открытое место — бывшее русло пересохшей реки, где земля была потрескавшейся, как губы умирающего от жажды. Именно здесь небо опускалось ниже всего, и именно здесь из него выходили те, кого не ждали.

Эдрик остановился. Существа тоже заметили его. Они не нападали. Они смотрели. И в этом взгляде не было ни злобы, ни голода. Только удивление. Как у ребёнка, который впер-

вые видит собаку и не знает, укусит она или завиляет хвостом.

— Они не воины, — тихо сказал Эдрик.

— Нет, — подтвердил философ. — Они — свидетели. Те, кто видел, как мир был до нас. Они пришли не разрушать. Они пришли вспомнить.

Одно из существ — высокое, с руками, которые оканчивались не пальцами, а ветвями, — шагнуло вперёд. Его лицо, если это можно было назвать лицом, переливалось, как поверхность воды, в которой отражаются сразу все закаты.

— Ты принёс, — сказала оно. Голос был не один. В нём звучали десятки голосов, как эхо в глубоком колодце.

Эдрик поднял лопату.

— Да. Принёс.

— Ты знаешь, что это?

— Знаю, — Эдрик сам удивился своим словам. — Это то, чем зарыли вас. И то, чем можно вас выпустить.

Существо склонило голову.

— Мы не хотим быть выпущенными. Мы хотим, чтобы нас снова видели.

— Но если Печать падёт...

— Печать уже пала, — существо подняло руку, и небо над ним стало прозрачным. За рваной кромкой не было ни ада, ни рая. Там был... лес. Но не такой, как здесь. Там деревья росли вниз кронами, а корни уходили в небо. Там реки текли из устьев в истоки. Там время не шло, а дышало.

— Это ваш мир? — спросил Эдрик.

— Это твой мир, — ответило существо. — До того, как вы его закопали.

Эдрик опустил лопату. Впервые за много дней он почувствовал не страх, не злость, а... стыд. Станный, глубокий, как дыра, которую не засыпать.

— Что мне делать? — спросил он.

— Копай, — сказала существо. — Но не вниз. Вверх.

Эдрик поднял голову. Небо, рваное и текучее, дрожало, как паутина перед грозой.

— Вверх? — переспросил он. — Лопатой?

— Ты не землю копаешь, — философ вдруг оказался рядом. — Ты вскапываешь небо. Ты возвращаешь ему способность быть разным. Ты зарываешь не Хаос. Ты зарываешь ложь о том, что мир должен быть одним.

Эдрик смотрел на лопату. Она больше не была ржавой. Теперь она была как продолжение его сомнений — острая, тяжёлая, готовая.

— А если я ошибусь? — спросил он.

— Тогда всё станет сном, — ответило существо. — Но это тоже неплохо. Сны мы тоже помним.

Эдрик вздохнул. Потом размахнулся.

И ударил лопатой по небу.

— --

Продолжение следует. Небо не разбилось. Оно зазвенело.

И где-то внизу, в подвалах Грейвенхолда, епископ Мартин вдруг проснулся от собственного крика, потому что ему приснилось, что он — трещина. И она — это он.

Глава VII. В которой небо звенит, а сэр Эдрик впервые жалеет, что не стал булочником.

Когда в небо бьёшь лопатой — жди ответ.

Не всегда он — гром, не всегда он — свет.

Иногда небо молчит, как судья,

А потом начинает петь, как змея.

Удар вышел не таким, как ожидалось. Эдрик целился в рваную кромку, туда, где небо походило на старую занавеску, изъеденную молью. Но лопата, вместо того чтобы рассечь воздух, встретила сопротивление. Не твёрдое, как камень, и не мягкое, как глина. А... упругое. Словно он ударил по натянутой коже огромного барабана.

И небо зазвенело.

Не громом, не треском, а именно звоном — низким, протяжным, как если бы где-то в облаках раскачивали колокол размером с собор. Звук пошёл по земле, по болоту, по костям, по зубам. Философ схватился за голову, Эдрик — за лопату. Существа Хаоса, стоявшие полукругом, вдруг нача-

ли... исчезать? Нет, не исчезать. Они стали прозрачнее, но не как призраки, а как отражения в воде, по которой пошла рябь.

— Что это? — прохрипел Эдрик, когда звон стих, оставив в ушах гул, как после удара по шлему.

— Это ответ, — философ опустил на колени. — Небо узнало лопату. И теперь оно решает: открыться или закрыться.

— И долго оно будет решать?

— Обычно — вечность. Но у нас, боюсь, времени меньше.

Небо тем временем начало меняться. Рваная кромка больше не светила ртутным светом. Вместо этого по ней пошли трещины, но не такие, как раньше — не от разрушения, а как на льду, когда под ним просыпается река. И сквозь эти трещины начал пробиваться... запах.

Пахло детством.

Не конкретным детством Эдрика, а детством вообще. Тёплым хлебом, молоком, свежеструганым деревом, мокрой после дождя землёй. Пахло так, что хотелось сесть и запла-

кать, но не от горя, а от невозможности вернуться.

— Оно показывает тебе то, что ты потерял, — тихо сказал философ. — Это не ловушка. Это приглашение.

— Приглашение куда?

— Домой, Эдрик. В настоящий дом. Тот, что был до всех домов.

Эдрик смотрел в небо, и ему казалось, что оттуда, из-за трещин, на него смотрят. Не боги, не демоны, а... родные. Те, кого он никогда не знал, но по кому всегда скучал. Прадеды, которые копали землю не ради урожая, а ради радости копания. Прабки, которые пели песни, не зная слов, но зная, зачем они поются.

— Я не пойду, — сказал Эдрик, и голос его дрогнул. — Мне ещё надо... кое-что.

— Что? — спросил философ.

— Понять, — Эдрик поднял лопату, и она больше не звенела. Она молчала, как человек, который всё знает, но не скажет, пока не спросят правильно.

Существа Хаоса вернулись. Они стояли ближе, чем прежде. То, что говорило с ним раньше — с руками-ветвями и лицом из закатов, — снова вышло вперёд.

— Ты ударил в небо, — сказало оно. — Теперь небо ударит в тебя. Не сразу. Но обязательно. Вопрос в том, что ты успеешь сделать между.

— А что я должен успеть?

— Выбрать.

Эдрик усмехнулся. Это была усмешка человека, который всю жизнь выбирал между плохим и худшим и впервые услышал, что выбор может быть иным.

— Выбрать между чем?

— Между тем, что было, и тем, что будет, — существо повело рукой, и небо над ним на миг стало зеркалом. Эдрик увидел себя. Двух себя. Один стоял с лопатой на болоте, другой сидел в кресле у камина, седой, довольный, с кружкой вина. И оба были настоящими.

— Это не выбор, — сказал Эдрик. — Это шантаж.

— Это правда, — ответило существо. — Хаос не лжёт. Он просто показывает всё сразу. А вы, люди, пугаетесь, когда видите всё сразу. Поэтому вы и построили Печать. Чтобы смотреть по очереди.

Эдрик опустил лопату. Потом посмотрел на философа.

— Ты знал?

— Я знал, что будет момент, когда всё станет возможным. И ты стоишь в этом моменте. Это и есть Пророчество, Эдрик. Не «избранный спасёт мир», а «избранный увидит всё и не свихнётся».

— А если свихнусь?

— Тогда станешь Хаосом, — философ пожал плечами. — Тоже судьба. Хаос, между прочим, из своих не увольняет.

Эдрик посмотрел в небо. Оно всё ещё звенело, но теперь тихо, как будто где-то далеко настраивали арфу. И в этом звоне слышался вопрос. Не «кто ты?», не «зачем ты?», а «сколько ты ещё будешь стоять?».

Он вздохнул. Потом развернулся к существу.

— Скажи, — сказал он. — А что будет, если я не буду выбирать?

Существо наклонило голову.

— Тогда выберет кто-то другой. Или что-то. Например, лопата.

Лопата в руках Эдрика вдруг стала тёплой. Не горячеей, а именно тёплой, как рука друга, положенная на плечо в трудную минуту.

— Она уже выбрала? — спросил Эдрик.

— Она выбрала тебя. Ещё до того, как ты родился. Осталось только, чтобы ты выбрал её.

Эдрик закрыл глаза.

И впервые за долгие годы не увидел тьмы. Он увидел сад. Но сад этот был не зелёный, а... никакой. Он был всех цветов и ни одного. В нём росли не деревья, а вопросы. И на каждом вопросе созревал плод — ответ. Но ответы падали и уходили в землю, и из них вырастали новые вопросы.

— Я выбираю, — сказал Эдрик, не открывая глаз. — Я

выбираю копать.

— Куда? — спросило существо.

— Туда, где меня ещё нет, — ответил Эдрик.

И небо, наконец, открылось.

Не рухнуло, не разверзлось, а именно открылось, как дверь, которую кто-то долго держал изнутри. И из этой двери не хлынули демоны, не пошёл свет, не грянул гром. Оттуда вышел человек.

Обычный человек. В старой одежде. С лицом, которое Эдрик видел каждое утро в зеркале.

— Ты опоздал, — сказал человек.

— Я знаю, — ответил Эдрик.

— Но всё равно пришёл.

— И всё равно пришёл.

Человек улыбнулся. И в этой улыбке было столько всего, что философ рядом с Эдриком вдруг заплакал, сам не пони-

мая почему.

— Ну, тогда начнём, — сказал человек из неба. — У нас впереди пять тысяч томов.

Эдрик шагнул вперёд.

И земля под ним снова стала твёрдой.

— --

Глава VIII. В которой появляется первый Погонщик, и сэр Эдрик узнаёт, что у Хаоса есть график.

*Когда у Хаоса есть план и смета,
То жди беды — не от огня, так от света.
Когда у Хаоса есть обходной лист,
То рыцарь — не рыцарь, а просто турист.*

Они шли уже, как показалось Эдрику, целую вечность. Хотя, возможно, прошло всего несколько часов. В этих краях время вело себя как пьяный гость: то застревало в дверях, то вдруг несло через весь зал, опрокидывая кувшины.

Человек из неба — Эдрик про себя назвал его «Верховный Опоздавший» — шагал рядом, не оставляя следов. Лопата за

спиной Эдрика молчала, но в её молчании теперь слышалось не равнодушие, а ожидание. Философ плёлся позади и время от времени бормотал что-то про «неправильную геометрию» и «кто же платит за туман».

— Куда мы идём? — наконец спросил Эдрик.

— К Первому Порогу, — ответил двойник. — Там начнется то, что вы называете Хаосом. И там кончается то, что вы называете «я».

— А если я не хочу, чтобы я кончился?

— Тогда не ходи. Но ты уже идёшь. Видишь, как всё просто?

Эдрик хотел возразить, но не успел: болото кончилось, и они вышли к реке. Точнее, к тому, что когда-то было рекой. Сейчас это была полоса темноты, текущая между берегами, как чернила. На берегу стоял столб. На столбе — доска. На доске — надпись. Аккуратная, канцелярская, с засечками.

«Порог № 1. ПРОПУСКАЕТСЯ ПО ОДНОМУ. ОЖИДАНИЕ — НЕ БОЛЕЕ ВЕЧНОСТИ. ПРИ СЕБЕ ИМЕТЬ: СЕБЯ».

— Это что? — Эдрик подошёл ближе.

— Это Хаос, — сказал двойник. — Он очень бюрократичен. Даже когда рушит миры, ведёт реестр.

Из-за столба вышел некто. Невысокий, сутулый, с лицом, которое будто забыли докрасить. Одежда на нём была пыльная, с нашивками непонятных служб, а в руке он держал перо, которое явно макали не в чернила, а в ночь.

— Добрый вечер, — сказал он голосом, каким говорят только те, кто очень давно не говорил ни с кем, кроме очередей. — Вы по какому вопросу?

Эдрик переглянулся с философом. Тот пожал плечами.

— Мы... это... — начал Эдрик.

— Ясно, — Погонщик (а это был, судя по всему, именно он) быстро закивал. — По вопросу Конца Света. Все по нему. Других вопросов нет. Встаньте в очередь.

— Какую очередь? — Эдрик огляделся. Вокруг не было ни души.

— Вас не видно, но вы есть, — Погонщик ткнул пером

куда-то влево. — Вот, за господином с косой. Потом — женщина с весами. Потом — два всадника, но они без записи, я их не пущу. Потом — вы.

— А вы кто?

— Я — Первый Погонщик, — он поклонился, но как-то иронично. — Служба Продвижения Хаоса. Отдел Приёма и Отказа. Вы хотите пройти или отказаться?

— А можно отказаться?

— Можно. Но тогда вы вернётесь туда, откуда пришли. А там уже, — он заглянул в свои бумаги, — трещина, паника, епископ читает пророчество задом наперёд, и лорд пьёт. Вам туда?

Эдрик подумал.

— Нет.

— Тогда проходите. Но по одному. Сначала — вы. Потом — ваш философ. Потом — лопата.

— Лопата тоже по одному?

— Лопата — отдельная сущность, — Погонщик впервые поднял глаза. Они были как две замочные скважины. — Вы даже не представляете, сколько у неё прав.

Эдрик посмотрел на лопату. Та скромно блеснула.

— Ладно, — сказал он. — Пропускайте.

Погонщик отступил, и темнота реки вдруг расступилась, как полог шатра. Открылся проход. Не мост, не лодка, а просто... направление. Внутри было светло, но свет этот не имел источника. Он просто был, как бывает свет в мыслях.

— Идите, — сказал Погонщик. — И помните: Первый Порог — это всегда про то, от чего вы отказываетесь. Не бойтесь. Бойтесь того, что откажется от вас.

Эдрик шагнул в проход.

И мир позади него, как старая шкура, сдвинулся и остался лежать на берегу.

Впереди была комната.

Обычная комната. С кроватью, столом, окном. На столе — свеча. У окна — кресло. В кресле — женщина. Она смотрела

на Эдрика и улыбалась, как улыбаются только те, кого уже нет.

— Здравствуй, Эдрик, — сказала она. — Ты снова опоздал.

И Эдрик понял, что Первый Порог — это не про Хаос.

Это про мать.

— --

Продолжение следует. Сэр Эдрик ещё не знает, что разговор с матерью — это не испытание, а введение в курс дела. А философ, оставшийся на берегу, вдруг начнёт спорить с Погонщиком о том, кто был раньше: Хаос или Канцелярия.

Глава IX. В которой сэр Эдрик разговаривает с матерью, и это оказывается сложнее, чем битва с демоном.

Когда мать зовёт — не важно, где ты был.

Важно, что ты пришёл, хоть и остыл.

Но если мать зовёт из-за порога —

То это не любовь, а педагогика.

Комната была точно такой, какой Эдрик её помнил. Нет,

не помнил — знал. Она была из тех мест, которые не хранятся в памяти, а живут где-то под ребрами, рядом с дыханием. Низкий деревянный потолок, потемневший от копоти. Стол с трещиной, куда в детстве вечно падали крошки, и муравьи выстраивались в процессию. Окно, за которым не было пейзажа, а было ощущение: лето, вечер, пахнет сеном и мокрой пылью.

И кресло. В кресле — мать.

Она была не такой, какой он её запомнил. Не потому, что время изменило её, а потому, что она сама не захотела быть прежней. Черты лица — размытые, но тёплые, как след от ладони на запотевшем стекле. Волосы собраны, но небрежно. Платье — простое, коричневое, с белым воротом. И улыбка. Та самая, от которой у Эдрика в детстве перехватывало дыхание, потому что так улыбаются только тем, кого прощают заранее.

— Здравствуй, Эдрик, — повторила она. — Ты снова опоздал.

— Здравствуй, — голос его не дрогнул. Это было не мужество. Это была замороженная паника. — Я... не знал, что ты здесь.

— А я и не ждала, что ты будешь знать. Ты вообще редко что-то знаешь. Но всё-таки приходишь. Упрямый.

Она кивнула на табурет возле стола. Эдрик сел. Лопату пристроил у ног. Она снова стала тёплой, но теперь — как одеяло, которым укрывают больного.

— Ты мне снилась? — спросил он.

— Нет. Я тебе не снюсь. Это ты мне снишься. Уже тридцать лет. Сначала я злилась. Потом привыкла. Теперь вот жду, чем кончится.

— Я... я не виноват.

— Я знаю, — мать наклонилась вперёд. — Ты никогда не был виноват. Это самое печальное. Из тебя вышел бы хороший виноватый. А получился — хороший сын, который всегда не там, где надо.

Эдрик опустил глаза. В трещине стола не было муравьёв. Но, кажется, там что-то шевелилось. Или это тени от свечи.

— Зачем я здесь? — спросил он.

— Затем же, зачем и все. Ты стоишь на пороге. А порог

— это всегда детство. Не в смысле «когда был маленький», а в смысле «когда ещё не решил, кем станешь». Ты, Эдрик, до сих пор не решил. Тебе седой волос в бороде, а ты всё стоишь на пороге и думаешь: может, не выходить?

— Я вышел. Вот он я.

— Нет, — мать покачала головой. — Ты вынес тело. А сам остался. Поэтому Хаос тебя и пустил. Он видит: этот — пустой снаружи, зато внутри полон.

Эдрик поднял голову.

— Ты говоришь, как философ.

— Я мать. Это хуже.

Оба замолчали. Свеча на столе мигнула. Где-то за окном, в том, что заменяло пейзаж, пронёсся ветер, но не тронул ни травинки, потому что травинок не было.

— Мать, — сказал Эдрик. — Мне нужно понять, что я должен сделать. Там, снаружи, Печать трещит. Демоны... то есть не демоны, а... ну, ты понимаешь. И все говорят: избранный, избранный. А я не чувствую себя избранным. Я чувствую себя уставшим.

— А ты и не должен чувствовать, — она улыбнулась. — Избранность — это не чувство. Это ноша. Её не чувствуют, пока не понесут. А когда понесёшь — уже поздно.

— И что мне нести?

— Не что. Кого. Ты несёшь всех, кто не дошёл до тебя. Отцов, дедов, прадедов. Тех, кто закапывал Хаос. Тех, кто строил Печать. Тех, кто верил, что так надо. Ты — их последняя воля. Не самая сильная. Но последняя.

Эдрик сжал лопату.

— А если я не справлюсь?

— Справишься. Но не так, как думаешь. Ты вообще никогда не справляешься так, как думаешь. Помнишь, как ты хотел стать писцом?

— Я хотел быть конюхом.

— Тем более. А стал рыцарем. Потому что однажды просто не смог пройти мимо. Вот и сейчас. Ты не сможешь пройти мимо. Ты уже не прошёл.

Она встала. Эдрик тоже. Она подошла к нему и положила руку на щеку. Рука была тёплой и сухой, как страница старой книги.

— Я не могу дать тебе совет, — сказала она. — Я могу дать тебе только одно.

— Что?

— Имя.

— У меня есть имя.

— Это не то имя. Настоящее имя человек получает за порогом. Его нельзя выговорить. Его можно только вспомнить. И когда ты его вспомнишь — тебя уже нельзя будет назвать «тот, кто не дошёл».

Эдрик закрыл глаза. И вдруг почувствовал, как где-то внутри, в самой глубине, где не бывает слов, что-то шевельнулось. Не звук. Не образ. А... ритм. Как будто сердце на миг стало больше, чем сердце.

— Я... — начал он.

— Не говори, — мать приложила палец к его губам. —

Не здесь. Скажешь, когда придёт время. А оно придёт. Оно всегда приходит. Даже если ты его не ждёшь.

Она отступила. Комната начала терять чёткость. Стены побледнели, свеча потускнела, окно стало просто пятном света.

— Мы ещё увидимся? — спросил Эдрик.

— Обязательно, — мать улыбнулась в последний раз. — Ты же мой сын. Ты всегда возвращаешься. Правда, обычно — с синяками и чувством вины.

— Я не виноват.

— Вот и я говорю: с синяками.

Комната исчезла.

Эдрик снова стоял на берегу. Река из темноты всё так же текла. Погонщик всё так же стоял у столба. Философ сидел на корточках и что-то чертил палкой на земле. А человек из неба — двойник — стоял чуть поодаль и смотрел на Эдрика с интересом.

— Ну что? — спросил он. — Вспомнил?

— Нет, — соврал Эдрик.

— Врёшь, — сказал двойник. — Но это хорошо. Значит, пошёл процесс.

Эдрик вскинул лопату на плечо.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше — Второй Порог, — двойник кивнул на реку.
— Но туда не все идут. Некоторые остаются у Первого. Им нравится, когда их прощают.

— А я?

— А ты не останешься. Ты же у нас упрямый.

Эдрик посмотрел на лопату.

— А философ?

— Философ уже прошёл, — двойник усмехнулся. — Пока ты разговаривал с мамой, он спорил с Погонщиком о том, является ли Первый Порог онтологическим событием или просто плохой дверью. Погонщик не выдержал и пропустил

его без очереди.

Эдрик обернулся. Философа на берегу не было. Только палка, которой он чертил, осталась воткнутой в грязь.

— И где он?

— У Второго Порога, — Погонщик подошёл ближе. — Ждёт вас. Сказал, что, если вы не придёте через вечность, он начнёт без вас.

— Через вечность? — переспросил Эдрик.

— У Хаоса другие временные рамки, — Погонщик пожал плечами. — Для нас вечность — это как для вас обед.

Эдрик вздохнул.

— Тогда не будем заставлять его ждать. Показывай, где этот Второй Порог.

Погонщик махнул пером, и темнота реки расступилась. На этот раз проход был уже. И за ним виднелась не комната, а бесконечная лестница. Она уходила вверх и вниз одновременно, как будто у неё не было решения, куда вести.

— Второй Порог, — сказал двойник. — Порог Веры. Там тебя спросят, во что ты веришь. И не дай бог ты ответишь правду.

— А что, если я отвечу правду?

— Тогда тебя спросят ещё раз. И так далее, пока правда не кончится.

— А когда она кончится?

— Никогда, — двойник улыбнулся. — Поэтому все, кто входит туда, выходят уже не теми, кем вошли. Или не выйдут.

Эдрик шагнул в проход.

Лестница встретила его тишиной. Такой тишиной, в которой слышно, как растут мысли.

Где-то наверху (или внизу) философ уже спорил с кем-то.

И, судя по звуку, опять проигрывал.

— --

Продолжение следует. Второй Порог окажется не лестницей, а зеркалом. И сэр Эдрик впервые увидит того, кем он мог бы стать, если бы однажды всё-таки прошёл мимо. А философ тем временем выяснит, что вера — это не убеждение, а сорт усталости, который не проходит даже за вечность.

Глава X. В которой сэр Эдрик поднимается (или спускается) по лестнице, у которой нет направления.

*Лестница в небо, лестница в ад —
Всё зависит от того, кто по ней шагать рад.
Если не знаешь, куда идёшь,
Значит, лестница сама тебя несёт, как нож.*

Первое, что понял Эдрик, — эта лестница не имела ни начала, ни конца. Она была не как архитектурное сооружение, а как мысль, которую начинаешь думать и не можешь остановиться: ступени уходили вверх, теряясь в свете, и вниз, растворяясь во тьме. Но, что странно, идти было легко. Словно лестница сама подталкивала его — не к цели, а к процессу.

— Значит, так, — пробормотал он, оглядываясь. — Второй Порог. Вера. Звучит не так страшно, как демоны, но пахнет хуже.

Пахло, кстати, ладаном. И ещё чем-то кисловатым, как от

старой церковной скамьи, на которой протёрли задницей дыру за три столетия. Где-то далеко слышался голос философа — он то ли молился, то ли торговался, то ли и то, и другое одновременно.

Эдрик сделал шаг. Потом ещё. Ступени были каменные, но тёплые, как будто под ними проходила вена. Лопата за спиной молчала, но молчание её было не пустым, а настороженным, как у кота перед грозой.

Через некоторое время — а может, через его отсутствие — лестница привела его к площадке. Широкой, круглой, мощенной плитами, на которых были выбиты символы. Не древние, не рунические, а... житейские. Якорь. Птица. Дерево. Серп. Круг, перечёркнутый молнией. И в центре — зеркало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.